

Фань Сянь с посеревшим лицом в полной безопасности и комфорте лежал на кровати. Выглядел он в точности как всё ещё не протрезвевший юнец. Рядом с кроватью стоял медный тазик, но внутри него было чисто, так как рвоту уже убрали.

Он уже отослал Жожо спать, за ним присматривала служанка. Бледность Фань Сяня не была притворной, и рвоту не пришлось вызывать снадобьями. Стрела, с огромной силой запущенная Янь Сяои, действительно навредила его внутренностям: в груди давило, возможно, для восстановления ему понадобится несколько дней.

При мысли об этой смертельно опасной, словно пожирающей душу стреле Фань Сяня невольно продолжал мучать страх. Если бы тогда, будучи на волосок от смерти, он не выпустил запредельное количество истинной ци, то, возможно, та стрела на самом деле убила бы его. Даже на том дальнем расстоянии стрела всё ещё сохраняла свою убойную силу, это просто невозможно! Видимо, тот командир стражи обладал уровнем, превышающим девятый, и в любой момент мог войти в ряды сильнейших мастеров среди людей.

Вообще-то, когда он не думая ударил руками по стреле, движения Фань Сяня всё ещё уступали ей по скорости, поэтому останавливать руками древко было очень опасно. К счастью, на руках у него от этого не осталось повреждений, иначе, если бы кто-то внимательный заметил их, объяснить было бы непросто.

Когда он рискнул пойти во дворец Возвышенной Истины, то, с одной стороны, хотел проверить, не сможет ли он что-то разузнать, а с другой стороны, не хотел, чтобы все решили, что раз евнуха Хуна отвлекал У Чжу, значит, самое важное — это ключ из дворца Добродетели.

Он легко прикоснулся пальцами к поясу и постепенно нащупал твёрдый предмет. В душе он обрадовался, что ему так везёт, но разве может везти вечно? Он решил, что впредь никогда не будет прятать вещи в тайнике под кроватью и никогда больше не пойдёт во дворец ради баловства.

За те несколько дней, что он притворялся пьяным и выздоравливал, новости о «явлении гения поэзии» Фань Сяня во дворце уже разносились по всей столице. Неизвестно, сколько учёных и знати посетили его в эти дни, однако Фань Цзянь хладнокровно всем отказал, сообщив, что его сын чрезмерно израсходовал душевные силы в тот день и ему нужно отдохнуть.

Просто уровень гостей становился всё выше и выше, пришло даже несколько высокопоставленных военных, стоявших у истоков государства. Как раз когда у Фань Цзяня начала болеть голова, Фань Сянь через слуг передал своё решение, которое всех озадачило и раздосадовало.

Фань Сянь больше никогда не будет писать стихи!

Многие думали, что барчук просто несёт чушь, и не придали ей значения. Только те, кто знали Фань Сяня — принц Цзин и два помощника премьер-министра, господи Жэнь и Синь, — понимали, что это правда. В любом случае волны ещё не улеглись, и говорить об этом пока

следовало осторожно.

Летняя жара в столице постепенно сошла на нет, и в городе моросил мелкий осенний дождь.

На самом деле с посещения дворца прошли три дня, но Фань Сяню казалось, что это были самые долгие три дня за обе его жизни. Сундук стоял у него под кроватью, в руке был ключ. Не было большего искушения, чем это. Но Фань Сянь всё же терпел три дня, словно ребёнок, который стащил с кухни запрещённые матерью закуски и старательно спрятал в шкафу и которому достаточно было знать, что они там, чтобы довольно заснуть, и перед сном просто заглядывать в шкаф, не особо желая что-то съесть, пока закуски совсем не испортятся.

Сундук не испортится, но Фань Сянь решил его «съесть» сегодня вечером.

Осенний дождь стучал за окном, поливая задний двор поместья Фань, заливая цветы и травы во дворе, которым в самое ближайшее время грозили первые осенние заморозки. Фань Сянь не зажёл свет в комнате, он знал, что с его зрением может достаточно хорошо видеть в темноте. Сундук стоял на столе, и Фань Сянь уверенно вставил ключ в замочную скважину, похожую на латунную.

Со щелчком передняя сторона сундука отскочила, и стала видна небольшая чёрная пластина. На ней была странная сетка из маленьких квадратов. При лёгком касании эти квадраты утапливались. На каждом был уникальный узор, и никто в этом мире не смог бы их узнать.

Фань Сянь улыбнулся, и в этой улыбке было немного горечи, немного понимания, словно после долгих догадок он наконец получил подтверждение и утешился.

Он закрыл глаза и снова не мог сдержать смех, подумав, что этот мир действительно сумасшедший. Так что дрожащими пальцами он закурил трубку отличного курева, преподнесённого Тэн Цзыцзином, чтобы успокоиться.

Он в первый раз курил в мире государства Цин. Пахло очень приятно. Белый дым, колыхаясь, поднимался в темноте, а осенний дождь медленно капал на безлюдный двор.

Фань Сянь почувствовал, что он больше не один.

Никто в этом мире не знает, что это за чёрная сетка или что за странный орнамент на этих квадратиках. Но Фань Сянь знал.

Потому что после того, как замок на сундуке был открыт, обнаружилась клавиатура. Хорошо известная из прошлого мира клавиатура, а странные узоры на ней на самом деле были просто двадцать шесть буквами английского алфавита, цифрами и ближе всего знакомой Фань Сяню

кнопкой F5.

Увидев такое, Фань Сянь наконец получил самое веское подтверждение тому, о чём долгое время тайно в душе догадывался: его родная мать, женщина по имени Е Цинмэй, происходила оттуда же, откуда и он. В это время он совершенно не думал о Тяньмай, упомянутом в разговоре между Чжуан Моханем и старшей принцессой во дворце Возвышенной Истины.

Тусклый свет от курительной трубки мерцал в темноте, на лицо Фань Сяня вернулось спокойствие. Он очень мягко положил руки на клавиатуру и начал гадать, что должно быть паролем.

— Это имя. — Неизвестно когда появившийся У Чжу стоял в углу комнаты. Хотя глаза были закрыты чёрной лентой, его лицо, обращённое к сундуку, всё ещё выражало то, что люди бы назвали горем. — Я помню только, что это имя, а госпожа говорила, что всего пять штрихов.

Фань Сянь спокойно кивнул и начал печатать. Всё-таки он не сталкивался с подобными вещами уже шестнадцать лет, поэтому первое впечатление было как от чего-то чужеродного. Но после многих попыток к нему вернулось знакомое ощущение в теле, в руках. Его пальцы, словно в танце, стучали по клавиатуре.

Но после многих попыток он вдруг поднял голову и криво усмехнулся:

— В этом мире не может быть имени, для которого нужно всего пять штрихов.

Как только он это сказал, то понял, в чём проблема, сделал ещё пару затяжек, глядя на сундук, покачал головой и вздохнул:

— Мама, от тебя столько шума, но вопрос в том, неужели ты когда-то научила У Чжу системе Уби? *

Пять штрихов — это не пять линий кистью, а метод ввода Уби.

Фань Сянь напечатал «kfhlcand» — это было имя Е Цинмэй, но реакции не последовало. Он немного неуверенно набрал своё имя: «aibusu».

Сундук по-прежнему не отвечал. Фань Сянь горько улыбнулся, подумав, что получил это имя много лет спустя, откуда же Е Цинмэй могла знать его тогда? Внезапно его сердце дрогнуло, и он с натянутой улыбкой посмотрел на дядю У Чжу, стоящего в углу.

У Чжу, казалось, почувствовал этот странный взгляд, слегка наклонил голову и спросил:

— Что ты делаешь?

Фань Сянь не ответил ему, но ввёл имя У Чжу: «ggttgh».

С тихим щелчком сундук открылся. Фань Сянь снова взглянул на У Чжу и сказал с улыбкой:

— Дядя, я подозреваю, что у вас с моей мамой была какая-то неприличная тайна.

Фань Сянь привёз сундук в столицу из Даньчжоу. Конечно, он знал его вес, поэтому не беспокоился, что в нём окажется водородная бомба. Но, рассмотрев как следует содержимое сундука, он просто вышел из комнаты и, как дурак, побрёл под ночным дождём, всё так же качая головой и думая, что у его матери не нашлось ни капли оригинальности.

Сундук был разделён на три отсека. Из-за ограничения по форме в каждый отсек можно было поместить только что-то узкое и длинное. В первом находился какой-то металлический инструмент, разделённый на три части: одна часть имела форму трубки, ещё одну удобно было держать в руке. Фань Сянь, нахмурившись, смотрел на эту металлическую трубу. Хотя он и был человеком с Земли, но всё же какое-то время не понимал, что это. Он понял, только когда засунул палец внутрь трубы.

Подняв и внимательно рассмотрев эту часть, он обнаружил строчку из букв: M82A1.**

— Эм-восемьдесят-два Эй-один. — Пальцы Фань Сяня подрагивали: в прошлой жизни он не был фанатом оружия, но знал, что означает этот ряд символов.

Это снайперская винтовка, это лучшая снайперская винтовка в том мире. С бронебойной пулей она может прострелить толстую стену на расстоянии километра.

Фань Сянь правой рукой схватил винтовочный ствол. Его руки всё ещё дрожали. Он отчётливо понимал, что означает иметь в руках снайперскую винтовку в государстве Цин, которое всё ещё пребывало на стадии холодного оружия.

Это означало, что отныне он может убить любого человека на расстоянии нескольких ли, не опасаясь, что его обнаружат.

Это означало, что будь то великий полководец, чьи стрелы пугают небо, или Юнь Чжилань из посольства города Восточных варваров, который нехорошо смотрел на Фань Сяня — при желании он может пытаться убить противника бесчисленное количество раз. Только вот непонятно, уместно ли при этом сравнивать себя с грандмастером боевых искусств.

Фань Сянь взволнованно положил на стол разобранную на три части снайперскую винтовку. Курительную трубку он тоже давно отложил. Опершись руками на стол, он сделал несколько глубоких вдохов и немного успокоился. Казалось, у него было всё необходимое, чтобы стать ночным демоном.

Конечно, при условии, что есть патроны.

Фань Сянь, вытаращив глаза, смотрел во второй отсек: в нём не было ничего, кроме письма, и тем более не было как минимум десяти патронов, которые он ожидал увидеть.

Без патронов эта снайперская винтовка ничем не лучше кочерги.

*Уби - буквально "пять штрихов", система ввода иероглифов по пяти начальным элементам иероглифа.

Буквы, которые печатает Фань Сянь, соответствуют элементам иероглифов в именах.

kfhlcand - 田田, Е Цинмэй

aibusi - 田田, Фань Сянь

ggttgh - 田田, У Чжу.

** Винтовка Барретт М82

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1992034>